

УДК 993

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92>

Методологические стратегии религиоведения

О. Д. Агапов

*Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань,
Российская Федерация*

Аннотация. Научная новизна статьи обусловлена экстраполяцией методологии культурно-исторической эпистемологии на процессы институализации религиоведения как научной дисциплины. На сегодняшний день религиоведение вышло на зрелый/высокий уровень институционального, теоретико-методологического, социокультурного и экзистенциального развития, которое воплощается в конкуренции различных методологических стратегий или спектра методологических средств, позволяющих реализовать общенаучный подход к религиозным феноменам. В частности, в статье рассмотрен ряд моментов, свидетельствующих о «зрелости» религиоведения как социально-гуманитарной дисциплины, а именно: а) конкуренция между тремя исследовательскими стратегиями – объективистской, интерпретативной, преформистской; б) соперничество между натуралистической и антинатуралистической программами; в) спор между факультетами и сообществами (дисциплины – лидеры и аутсайдеры); г) борьба за легитимацию между парадигмами секуляризации, десекуляризации, постсекуляризации. Сделан вывод о том, что религиоведение, являясь частью проекта развития социального/социальных наук, вступает в свою постсекулярную стадию, открывающую новые теоретико-методологические возможности в исследовании такой сферы бытия человеческого рода, как религиозное/сакральное/нуминозное. Важнейшим шагом для дальнейшего методологического продвижения является деконструкция парадигм секуляризма и десекуляризма, процесс выстраивания более гибкой и системной методологической стратегии познания поля религиозных феноменов.

Ключевые слова: религиоведение, «зрелая наука», методологические стратегии, социальные науки, история науки.

Для цитирования: Агапов О. Д. Методологические стратегии религиоведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 38. С. 92–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92>

Место и роль социальных наук с момента их возникновения постоянно изменяются, пребывают в динамике. Сегодня излюбленная постмодернистски настроенным научным сообществом *стратегия деконструкции* создает возможность для выстраивания постиндустриализма, постсекулярности, *посттоталитаризма/поставторитаризма*, иных *пост*практик в рамках поиска новой модели социальности, связанной с признанием того, что ранее вытеснялось из сферы мышления и социального. В частности, Д. Узланер обращает внимание на стратегии Ю. Хабермаса (диалог светски ориентированных и религиозно ориентированных граждан), стратегии Дж. Агамбена (прямой трансфер религиозных понятий в сферу социальных теорий). Он пишет:

«Постсекулярное – это не отвержение секулярного, это скорее продолжение критической работы над онтологией нас самих, которая на определенном этапе своего развития по тем или иным причинам оказалась выстроена вокруг секулярных дихотомий и имманентной рамки. Постсекулярная работа идет изнутри самого секулярного, которое в процессе историко-практического испытания пределов, которые мы можем пересечь» [5], как бы перешагивает через самое себя и становится постсекулярным.

Итак, мы движемся к новым горизонтам, когда секулярное становится постсекулярным, а религиозное – пострелигиозным. Указанное движение касается социальных наук, в том числе и религиоведения. Конкретнее, реестр социальных дисциплин (история, экономика, политология, социология, антропология, востоковедение) включал религиоведение как важнейшую часть проекта Просвещения. В словосочетании «социальная наука» И. Валлерстайн предлагает увидеть эвфемизм концепта «прогресс» философии Просвещения. Согласно его реконструкции влияние философии просветителей проявляется в следующих «следах»: 1) разделение в познании западного/цивилизованного и незападного миров; 2) в западной истории разделения между прошлым/традицией и настоящим («водораздел» Великая Французская революция); 3) в обязательном выделении в социуме трех сфер: рынка, государства и общества [1, с. 173]. Как видим, предметное поле религиоведения априори определялось как изучение религии в качестве реликта прошлого и как надзор над ним (по Дж. Милбанку).

Действительно, за каждым проектом социального/социальных наук явно или неявно стояли определенные *сообщества* (партия, движение, класс, страт), которые экзистенциальными, политическими, социокультурными, экономическими, сознательными или бессознательными моментами были заинтересованы в утверждении пространства *социального*.

Более того, каждое последующее поколение эпохи модерна вносило в развитие социально-гуманитарных наук проблемы своего времени, находило новые стратегии и тактики реализации научных идей. Формирование социально-гуманитарных наук происходило как *широкое и мощное социальное движение* по построению более справедливого и демократического общества.

Производство социального шло сразу по ряду направлений, а именно:

- конституирование самого социального как территории/топоса светскости;
- формирование комплекса социальных наук;
- разработка нового мировоззрения или идеологии социализма;
- развитие социальных движений,
- особое будирование *социального вопроса* как проблемы социального равенства и справедливого устройства общества;
- формирование большого социального романа (реализма).

Все указанные интенции и формы *удостоверяли* друг друга, создавая поле социальности/современности. Можно утверждать, что в промежутке 1750–1920 гг. агенты социального активно *социализировали* (опредмечивали – распродмечивали) *себя*, создавая по теории Н. Лумана пространство

самореференции и автопоэзиса. Например, идея науки социологии и идеология социализма выступили формами удостоверения социального, где в социологических знаниях и социалистических идеалах/утопиях утверждалось социальное/социальность как онтологическая реальность, как нечто аутентичное, естественное. В свою очередь новые социальные движения со своими проблемами постоянно давали пищу и для познания, и для праведного гнева.

К середине XIX в. концепт общества вобрал в себя всю палитру объединений граждан – политических, экономических, религиозных, культурных. Понятие «социальное» стало синонимом антропологического или человеческого вообще. Биологические, психологические, теологические, политические и правовые статусы людей стали общим маркером коллективного человеческого существования, а также всех форм деятельности, независимых от государства или религии. Социальное представлялось местом объединения индивидуального/частного и коллективного/общего. Для поколений XX в. уже XIX в. стал своего рода каноном для самореференции.

Вместе с социализацией социального существование человеческого рода обогащалось практиками формирования экономического (по П. Бурдьё, К. Лавалю, В. Федотовой, В. Колпакову), политического (по М. Фуко, П. Бурдьё), культурного (А. Б. Гофману), антропологическо-ориенталистского (по К. Леви-Строссу, К. Гирцу, Э. Саиду), исторического (по Г. Гегелю, К. Марксу, Ф. Ницше, В. Дильтею), психологического (Ф. Е. Василюк), религиозного (по Дж. Милбанку, Д. Узланеру, С. Хоружему, С. Штыркову).

Конституирование религиоведения создавало в XIX–XX вв. *новый канон* понимания как религиозного (отличного от античного, средневекового, возрожденческого), так и светского. В частности, Дмитрий Узланер напоминает, что *религиоведческие исследования* в определенном смысле несут в себе идеологию сложившегося современного (modern) status quo. Он пишет: «Победив католицизм, вернее силой превратив его в “религию” (всюду кроме, наверно, Ватикана), Модерн настолько укрепился в ощущении своей естественности, что изобретенные его архитекторами понятия (в нашем случае это “религия” и “светское”) отсоединились от исторического контекста своего создания и превратились в универсальные категории “научного” и “беспристрастного” анализа. Расчертив в соответствии со своими понятиями все вокруг себя, Модерн начал искать (и находить) религии как по географической горизонтали, так и по исторической вертикали, не задумываясь, что тем самым он лишь вечно воспроизводит самого себя. Так ислам, индуизм, буддизм и прочие живые (и мертвые) традиции превратились в религии. Созданная равнодушными к духовным вопросам людьми категория (“религия”) вошла в повседневное употребление и до сих пор определяет обыденное (и не только) понимание происходящих с конкретными религиями процессов» [6, с. 149].

Дж. Милбанк настаивает, что *мирские теологи* не просто создали «религию», руководствуясь какими-то своими соображениями, но параллельно сконструировали и «светское», которое лучше всего отвечало их теологическим представлениям о мире. Отсюда следует, что те религиозные тради-

ции, которые столкнулись с новым проектом модерна, оказались не просто вытесненными в некую искусственно синтезированную область, называемую «религия», но еще и встали перед необходимостью принять новую теологию «светского», навязываемую им под угрозой уничтожения [5].

Итак, религиоведение сегодня – это составная часть корпуса социальных наук, которые не столько изучают современность/модерн, сколько создают ее, создавая канон восприятия и воспроизводства социальных отношений. Согласно реконструкциям Р. Смита – Ч. Тейлора – Дж. Ритцера проект социальных наук позволил объединить фрагментарные сообщества пре-модерна в новый концепт *универсального социального/модернового социального воображаемого*, открывшего возможность для формирования *мир – системы* модерна. Научное социогуманитарное (социологическое, политическое, религиоведческое, экономическое, культурологическое) воображение открыло дорогу для институализации многих проектов, вошедших в практику *«государства всеобщего благоденствия»* XX в. На наш взгляд, влияние религиоведческих штудий в современности имеет как минимум тройкий характер, а именно: это 1) *область производства академических/фундаментальных социальных знаний*; 2) *широкая сфера прикладных политических, социально-экономических и социокультурных практик в индустриальном/постиндустриальном типах общества* (одну из них «*надзирание за религией*» хорошо описал Дж. Милбанк); 3) *религиоведческий дискурс и воображение как часть общественного сознания*.

Все перечисленные качества свидетельствуют о том, что религиоведение сегодня – это «зрелая наука» по типологии Имре Лакатоса, который в споре с Томасом Куном ввел концепт уровня теоретико-методологической развитости. Критерием – свидетельством зрелости выступает *конкуренция научно-исследовательских программ* по изучению природной или социальной реальности. Все науки проходят стадии от незрелости, когда исследования ведутся по образцу наук-лидеров [4, с. 10].

Для большинства социальных наук таким образцом выступала физика, тогда как для классиков физики образцом являлась теология. Дж. Милбанк обращает наше внимание на то, что все социальные науки, возникшие в XVII–XIX вв., – наследницы определенного типа теологии, сложившегося в рамках «позднесредневекового номинализма, протестантской реформации и августицизма XVII в., которые полностью приватизировали, спиритуализировали и трансцендировали сакральное и в то же время представили природу, человеческое действие и общество как сферы автономной, сугубо формальной власти» [3, с. 34].

Также «**зрелость» науки** проявляется в различных моментах:

– *институциональном* (академии/университеты, факультеты социально-гуманитарных наук, научные журналы, индустрия консультаций и экспертиз);

– *теоретико-методологическом* (реализация принципов научности, форм научного познания, уровней научного исследования, конкуренции методологических стратегий, развитие терминологии/тезариуса, дискурса);

– *социокультурном* (идеалы, этос и ценности научного познания как основа образовательных и профессиональных практик, легитимность, хаби-туализация и седиментация научных знаний, рейтинги профессий);

– *экзистенциальном*. Социально-гуманитарные науки перешли на уровень *метатеоретизирования*, где выявляются исторические, социокультурные, экономические и иные факторы, определяющие динамику развития научного познания. Борис Пружинин и Татьяна Щедрина, развивающие программу *культурно-исторической эпистемологии*, справедливо утверждают, что «философское самосознание осмысливающего *культуру исследователя* позволяет ему понять себя как *историческое лицо*, позволяет выработать взгляд на себя как человека, погруженного в историю культуры и удерживающего преемственную связь событий» [4, с. 10].

На наш взгляд, среди форм проявления «зрелости» социально-гуманитарных наук можно выделить:

1) конкуренцию между тремя исследовательскими стратегиями – объективистской, интерпретативной, преформистской;

2) соперничество между натуралистической и антинатуралистической программами (И. Валлерстайн – В. Колпаков), преодоление диктата «*натуралистической катаракты*» (по Л. Бинсвангеру);

3) спор между факультетами, дисциплинами, сообществами, его можно описать как соперничество между близнецами в духе Р. Жирара (дисциплины – лидеры и аутсайдеры);

4) борьбу за легитимацию между парадигмами секуляризации, десекуляризации, постсекуляризации.

Выход современных наук на уровень *метатеоретизирования* позволяет отнести к истории социально-гуманитарных наук не как к «складу идей/вещей», а как к спектру *методологий*, позволяющих социогуманитариев перейти к активному, свободному, осмысленному и ответственному *управлению* процессом научного познания, от постановки проблематизации до создания научной концепции с ее теоретическим и прикладным «крыльями».

По В. И. Дудиной, *метатеоретизирование* «является инструментом решения определенных дисциплинарных проблем», таких как «фундаментальный сдвиг в концептуализации предметной области» или «дисциплинарная раздробленность» [2, с. 11].

Сформировавшиеся модели поведения субъекта социально-гуманитарного познания «*наблюдатель – интерпретатор – перфомист*» можно также сравнить в историко-эпистемологической перспективе с *методологическими стратегиями* как всем набором методологических средств, позволяющих реализовать общенаучный подход к исследуемой социально-гуманитарной реальности [4, с. 8].

Иными словами, мы можем прибегать сегодня к этим *стратегиям* как рабочим инструментам научно-исследовательской деятельности. На наш взгляд, именно взаимодополнительность стратегий наблюдения – интерпретации – преформизма наряду с другими методологическими стратегиями (*альтерация, медиация, конвенция, перевод, диагностика* и т. д.) позволяет

сделать научное познание более *гибким к нюансам* динамики бытия человеческого рода, позволяет найти путь сопряжения количественных и качественных методов изучения социального, религиозного, политического и т. д.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
2. Дудина В. И. Стратегии метатеоретизирования в социологии // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 11–19.
3. Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008. № 4 (67). С. 33–54.
4. Современные методологические стратегии: интерпретация, конвенция, перевод / под общ. ред. Б. И. Пружинина. М. : Политические исследования, 2014. 526 с.
5. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55817078 (дата обращения: 26.10.2021).
6. Узланер Д. Расколдовывание дискурса: «Религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. 2008. № 4. С. 140–159.

Methodological Strategies for Religious Studies

O. D. Agapov

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Abstract. The scientific novelty of this article is based on the application of the methods of socio-historical epistemology to the processes of institutionalization of religious studies as a scientific object. Religious studies has reached a high, mature level of institutional, theoretical, methodological, sociocultural, and existential development which is expressed in the competition of different methodological strategies or a variety of methodological means which allow us to form a scientific approach towards religious phenomena. In particular, this article covers several aspects which testify to the “maturity” of religious studies as a socio-humanitarian science, namely: a) competition among three research strategies – objectivist, interpretative, and preformistic ones; b) competition between the naturalistic and the anti-naturalistic programs; c) a dispute among faculties and communities (scientific disciplines as leaders and outsiders); d) a struggle for legitimacy among the paradigms of secularization, desecularization, and post-secularization. The author has come to the conclusion that religious studies, being a part of a general project for the development of the social / social sciences, enters a *post-secular stage* which opens new theoretical and methodological possibilities for researching the sphere of the religious, the sacred, the numinous. One of the important steps for further methodological progress is the deconstruction of the paradigms of secularism and “de-secularism”, the process of building a more flexible and systematic methodological strategy for studying the field of religious phenomena.

Keywords: religious studies, “mature science”, methodological strategies, social sciences, history of science.

For citation: Agapov O.D. Methodological Strategies for Religious Studies. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 38, pp. 92-98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.92> (in Russian)

References

1. Wallerstein I. *Mirosistemny analiz. Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Per. N. Tukiной. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, 248 p. (in Russian)
2. Dudina V.I. Strategii metateoritizirovaniya v sociologii [Strategies for meta-theoretical thinking in sociology]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, vol. 12, pp. 11-19. (in Russian)
3. Milbank J. Politicheskaya teologiya i novaya nauka politiki [Political theology and the new science of politics]. *Logos* [Logo], 2008, vol. 4 (67), pp. 33-54. (in Russian)
4. *Sovremenny metodologicheskiye strategii: interpretaciya, konvenciya, perevod* [Contemporary methodological strategies: interpretation, convention, translation]. Pod obshch. red. B.I. PRuszhinina. Moscow, Politicheskiye issledovaniya Publ., 2014, 526 p. (in Russian)
5. Uzlaner D. *Postsekulyarny povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke* [The post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]. Moscow, Instituta Gadara Publ., 2020. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55817078. (in Russian)
6. Uzlaner D. Raskoldovyvanie dikursa: “Religioznoe” i “svetskoe” v yazyke novogo vremeni [Disenchantment of the discourse: “the religious” and “the secular” in the language of modernity]. *Logos* [Logo], 2008, no. 4, pp. 140-159. (in Russian)

Агапов Олег Дмитриевич

доктор философских наук, профессор,
директор, НИИ социальной философии
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова
Российская Федерация, 420111, г. Казань,
ул. Московская, 42
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Agapov Oleg Dmitrievich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Director, Research Institute of Social
Philosophy
Kazan Innovation University named after
V. G. Timiryasova
42, Moskovskaya st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Дата поступления: 26.10.2021

Received: October, 26, 2021